

ФЕДОР АБРАМОВ
МИХЕЙ И ИРИНЬЯ

Рассказ
(фрагмент)

... Михей Кирьянович, сполоснув руки, без промедления занялся печью — в доме еще было не топлено, не варено, а Иринья Матвеевна стала чистить рыбу: сама налила в сених холодной воды в миску, сама раздобыла где-то доску, на которую вываливают рыбы внутренности.

Когда в печи запотрескивали дрова и когда, как мне показалось, старик немного поотмяк, я мало-помалу принялся расспрашивать его про гражданскую войну в наших краях, про то, как по заданию красных он два раза ходил на Северную Двину, или, по нашему, просто на Двину.

— Ходил, — без особого энтузиазма сказал старик.

Иринья Матвеевна рассердилась:

— Ходил!.. Да он и без тебя знает, что ходил. Ты сказывай, как ходил-то.

— А чего, баушка, сказывать. Дали пакет — отнеси. Вот я и отнес, куда надобе.

— Господи! — всплеснула руками Иринья Матвеевна. — Зимой две недели пропадал. Лесами, без дороги, в мороз... А летом опять — комары заели. В болото вхрюпался — едва и вылез. Недельку на грибах жил...

Михей Кирьянович все это подтвердил и кое-что от себя добавил, но разговора живого, непринужденного не получалось, и я подумал, что мне лучше зайти в другой раз, когда старик не так будет измотан работой. Однако Иринья Матвеевна и слышать не хотела о моем уходе.

— Нет, нет, — сказала она, — пока свежей ушки с нами не откушаешь, никуда не пойдешь. — И тут же прикрикнула на старика: сколько, мол, будешь еще копать?

Свежая рыбешка в чугушке разварилась — ни головы, ни хвоста не найдешь, но я такой ухи, кажется, сроду не едал. Душистая, с острым перчиком, с луком зеленым, с домашним сухарем, который так и похрустывает, так и рассыпается на зубах. А какое удовольствие было смотреть на стариков! Тут знали цену хлебу насущному: ели молча, неторопливо, по старинке — в правой руке ложка, а левая ковшиком у подбородка — чтобы ни одна кроха не упала, не пропала даром.

— Ешь баушка, ешь, — заговорил Михей Кирьянович. — Может, последний раз свежинка в доме. Худо ноги стали ходить, да и рвать их не из-за чего.

— Рыбы мало стало? — спросил я. — Реки истощали?

— Да реки-то, может, и не истощали, — вздохнул Михей Кирьянович. — Совесть у людей истошала. Что ноне с этой рыбой творят-делают, дак это и страсть. Толью, взрывами взрывают, сетями реки наскрозь перегораживают, лектричество запускают... А сплавы-то все лето, топляки-то! Дно-то у реки деревянное стало але железное. Все в воду: и банку консервную, и бутылку... — Старик помолчал немного и безутешно махнул рукой: — А и в лесу не лучше. Я из Росох шел — шесть собак насчитал.

— Беда беда с этими собаками! — поддержала мужа Иринья Матвеевна. — Ребенок закапризит: папа, собачку хочу. Папа собачку завел: играй, родимо дитятко, тешься. Дитятко поиграло, потешилось, другу игрушку надь, а собачку на улицу. Вот они, бездомные-то, и рыскают, летают, как волки, по лесу, ищут себе пропитание. Птичьи гнезда зорят, птенца давят, зверя беспомошного заедают...

— Строгости ноне нету, баушка, вот где закавыка-то. — Михей Кирьянович не любил празднословия. Он всегда и раньше любил всякому разговору придать хозяйственное направление.

— А раньше больше было строгости?

— Раньше-то? — Старик посмотрел на меня как на неразумного ребенка. — Как не больше! Я, бывало, с Екутина ручья вот в это же самое хлебное время пришел, сено ставил. Татя-покойничек спрашивает: «Как там, Михейко, на бору? Будет, нет нынешней осенью перо?» Будет, говорю. Три гнезда на лету видел да одну тетереву на гнезде. Татя глазами захопал: «Как на гнезде? В это время на гнезде?» Да, говорю, на гнезде, на яйцах сидит. «Ну и что ты,— говорит, — сделал с этими яйцами?» А ничего, говорю, не сделал. Разве не понимаю, говорю, что гнездо нельзя зорить? Татя-покойничек вспыхнул: «Эх, — говорит, — Михейко, Михейко, дурак ты еще, а не охотник. Да ведь из-за этих яиц, — говорит, — тетера пропадет. Яйца-ти эти у ей бесплодные, мерзлые, весенним морозом прихватило, бить их,— говорит,— надо, а то она, бедная, до полного истощения на них сидеть будет, покуда не сдохнет».

— Н-да, — заключил Михей Кирьянович, — вот такой урок мне преподнес родитель. Дак я со стыда сгорел, поел, не поел сколько — опять на Екутин ручей побежал.

— Из-за тетеры?

— Из-за тетеры. С гнездовья снимать. Татя-покойничек смала мне твердил: с лесу бери да и лесу пособилай. А я вон что наделал. А ведь уж женат был.

— Так, так, — подтвердила Ирinya Матвеевна...

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник публикации: Михей и Ирinya : [рассказ] // Наш современник. - 1976. - № 1. - С. 135-141